

Глава 1. Будни на лайнере (01)

Ровно шесть утра.

Нань Цзюньи очнулся от кошмара. Ледяной пот насквозь пропитал пижаму, а жуткие образы сна по-прежнему стояли перед глазами. Он застыл в густой, непроглядной тьме, не в силах поверить, что действительно вернулся в реальность.

— Включить свет.

По команде вспыхнули лампы, мгновенно рассеяв мрак в углах комнаты. Лишь когда последние призрачные тени растворились, Нань Цзюньи поднялся и, слегка пошатываясь, направился в ванную.

Горячая вода постепенно возвращала телу тепло, и лишь тогда он окончательно почувствовал, что проснулся.

Ванная наполнилась густым горячим паром. Ладонь скользнула по холодному зеркалу, стирая конденсат. В стекле проступил отчётливый силуэт, открывая усталое, измождённое лицо: узкие глаза были полуприкрыты, под ними залегли синеватые тени, словно лицо окутывал зловещий туман. Губы, коснувшись горячей воды, утратили утреннюю бледность и вновь обрели естественный цвет, хотя всё так же непроизвольно оставались плотно сжаты.

Молча вымыв руки, Нань Цзюньи вернулся в спальню. Он лишь открыл дверцу шкафа, чтобы выбрать одежду, как некая непреодолимая сила внезапно сковала его, заставив замереть.

Он медленно обернулся.

На прикроватной тумбочке, где мгновение назад не было ничего, теперь спокойно лежало изящное пригласительное.

Несколько мгновений Нань Цзюньи молча смотрел на него, затем устало потёр переносицу, отвернулся и достал из шкафа удобную повседневную одежду.

Бросив халат в корзину для грязного белья, он небрежно схватил приглашение и распахнул шторы и дверь на балкон.

Солнце ещё не успело полностью подняться из-за морской глади. На линии горизонта оно напоминало полуоткрытый глаз исполинского зверя, умирающего в агонии: из него бесконечным потоком сочилась золотая кровь, растекаясь по тёмным морским волнам.

Сколько бы времени ни прошло, всякий раз, созерцая это величественное зрелище, Нань Цзюньи заново осознавал своё положение.

Он был пленником невероятно роскошной тюрьмы посреди океана.

Стоило приоткрыть балконную дверь хотя бы на щель, как солоноватый морской ветер с характерным запахом водорослей нетерпеливо ворвался в комнату. Нань Цзюньи вовсе не испытывал к этому запаху отвращения. Когда человек способен ясно ощущать собственное существование, он особенно остро чувствует счастье от того, что всё ещё жив. Особенно когда очередное смертельное задание уже стоит на пороге.

Информация в приглашении была предельно лаконичной. На нём значилась лишь одна строка:

«Лечебный центр "Лэнцзин"».

Внизу неумолимо тикал таймер обратного отсчёта.

Судя по таймеру, сойти с лайнера ему предстояло ровно в девять утра послезавтра.

Спешить было незачем, поэтому Нань Цзюньи не стал суетиться. Отправив с телефона короткое сообщение, он решил первым делом позавтракать.

По утрам на лайнере всегда царила удивительная тишина. В коридоре не было ни души. Когда Нань Цзюньи уже собирался открыть дверь ресторана самообслуживания, сзади неожиданно протянулась чья-то рука. Она скользнула мимо его талии, уверенно ухватила за ручку и распахнула дверь. Женский голос, в котором сквозила лёгкая насмешка, весело произнёс:

— Прошу, входите, господин Мрачность.

Нань Цзюньи даже бровью не повёл и спокойно вошёл внутрь.

— Гу Шиянь, такие шутки давно перестали быть смешными.

— Разве? — с улыбкой Гу Шиянь последовала за ним. — А мне казалось, именно так настоящая леди и должна вести себя с джентльменом.

Нань Цзюньи направился к стойке со столовыми приборами.

— Надо было всё-таки идти в главный ресторан на седьмом этаже, а не лениться и тащиться сюда на шведский стол. По крайней мере, там ты бываешь куда реже.

— Но ты же без официального костюма. Тебя туда всё равно не пустят. — протянула Гу Шиянь, беря пустую тарелку и разглядывая выставленные блюда. — Кстати, придёшь сегодня в половине восьмого на киносеанс? Показывают «Ночь зомби».

— Послезавтра я схожу с лайнера.

Рука Гу Шиянь, в которой были зажаты щипцы для лапши, на мгновение замерла.

Почти сразу она сделала вид, будто ничего не произошло.

— Что ж, это куда более убедительная причина пропустить мероприятие, чем все твои предыдущие отговорки. Похоже, на этот раз кому-то придётся принять это приглашение, хочет он того или нет.

Ассортимент в ресторане был поистине роскошным, словно здесь вовсе не собирались соблюдать правило, что завтрак должен быть лёгким. Здесь было всё: от рисовой каши и солений до изысканных блюд из морепродуктов, всевозможных десертов и напитков.

Оба выбрали довольно простую, нейтральную на вкус еду. Из напитков Нань Цзюньи налил себе стакан соевого молока, а Гу Шиянь взяла бокал красного вина.

Подойдя к столику, Нань Цзюньи взглянул на её руки, полностью занятые тарелкой и бокалом, и не удержался от шутки:

— А я уж было подумал, что ты ещё и стул мне отодвинешь.

— То есть ты всё никак не можешь смириться с поражением? — рассмеялась Гу Шиянь.

Она зацепила ножку стула, выдвинула его вперёд, слегка кивнула и, подмигнув ему, сказала:

— Прошу.

— Что-то не слишком искренне получилось.

Нань Цзюньи приподнял бровь.

Гу Шиянь поставила тарелку, поправила стул руками, даже стряхнула с сиденья несуществующие пылинки и с преувеличенной галантностью снова пригласила:

— Прошу присесть.

Нань Цзюньи с удовольствием сел.

— Так выходит, неумение проигрывать — это только моя черта?

Гу Шиянь, довольно покачивая бокалом на высокой ножке, спросила:

— Потом собираешься в банкетный зал? Если не ошибаюсь, главный информационный экран находится именно там.

Каждый раз, когда на круизном лайнере появлялось новое задание, на рекламных экранах, где обычно крутили виды тропических островов, меняли заставку и начинали транслировать информацию, связанную с новым испытанием. Самый большой экран располагался как раз в банкетном зале, и информации на нём всегда было больше всего.

Нань Цзюньи кивнул и перевёл взгляд на едва заметно завибрировавший телефон.

Разблокировав экран, он обнаружил, что в групповом чате уже появилось несколько десятков новых сообщений.

Во всех телефонах пассажиров лайнера было заранее установлено приложение для связи с иконкой в виде корабельного штурвала. Через него обычно обсуждали задания или просто болтали. Среди десятков новых сообщений Нань Цзюньи интересовало лишь одно — то самое, где содержалась нужная ему информация.

После этого он снова перевёл телефон в беззвучный режим.

Гу Шиянь тоже достала свой телефон.

— Забавно. На этот раз твоей напарницей снова будет Линь Сюэ.

Она поставила бокал в сторону и наконец сосредоточилась на еде.

— И что ты по этому поводу думаешь?

Линь Сюэ и Нань Цзюньи когда-то были новичками на одном и том же задании. Если точнее, тогда выжили только они двое. После психологической травмы, пережитой в первом испытании, Линь Сюэ всегда — сознательно или нет — избегала встреч с другим выжившим, Нань Цзюньи. На лайнере это давно уже ни для кого не было секретом.

— То, какой она была раньше, ничего не говорит ни о настоящем, ни о будущем, — спокойно ответил Нань Цзюньи, вытирая губы салфеткой. — Мне нечего об этом сказать.

Его голос был низким и ровным, гладким, словно шёлк. В нём невозможно было уловить ни малейшей эмоции — что бы он ни говорил и где бы это ни происходило.

Гу Шиянь некоторое время задумчиво смотрела на него, а затем неожиданно спросила:

— Молодёжь ведь обычно называет таких, как ты... «ледяной красавицей», да?

Нань Цзюньи молча поставил стакан с соевым молоком на стол и невозмутимо произнёс:

— Радуйся, что я ещё не успел сделать ни глотка.

— Эй, так с людьми не обращаются, это просто невежливо. Каким бы обаятельным ты ни был, подобные выходки здорово портят впечатление, — с самым серьёзным видом заявила Гу Шиянь.

Нань Цзюньи остался невозмутим.

— Вот как? А я-то всегда думал, что жестокость — в самой природе красавиц.

Гу Шиянь театрально вздохнула:

— Обожаю с тобой разговаривать.

После этого между ними воцарилось молчание. Допив вино, Гу Шиянь поднялась.

— Пойдём. Кто знает, может, мы видимся в последний раз. Составлю тебе компанию в банкетном зале.

Смертельные задания на этом лайнере не делали различий между новичками и ветеранами. За годы, проведённые здесь, Гу Шиянь не раз видела, как погибали опытные пассажиры, а новички, вопреки всему, оставались в живых. Более того, случаи, когда не выживал никто, уже давно никого не удивляли.

К настоящему моменту Нань Цзюньи успешно прошёл уже четыре задания. Но это вовсе не гарантировало, что он переживёт и пятое. Это лишь означало, что ему удалось дожить до сегодняшнего дня.

Человек — существо социальное. В какие бы обстоятельства он ни попал, ему необходимы

поддержка и помощь других. Дружба, рождающаяся в подобных безвыходных условиях, зачастую оказывается куда чище и искреннее обычной, но и испытания, выпадающие на её долю, становятся неизмеримо жестокее.

Сдав посуду в специальную зону, они направились на шестую палубу.

Едва войдя в банкетный зал, Нань Цзюньи почувствовал, как палуба слегка дрогнула под ногами.

Гу Шиянь, поднимавшаяся по лестнице на второй ярус, тут же потеряла равновесие и схватилась за перила. К счастью, качка длилась всего несколько секунд — настолько не долго, что её легко было принять за иллюзию.

Это был огромный круизный лайнер, почти не уступавший размерами небольшому острову. Обычно во время плавания движение корабля почти не ощущалось, словно они шли по твёрдой земле.

На обычном лайнере подобная качка означала бы лишь одно: судно попало в сильный шторм или резко увеличило ход. Но на этом лайнере существовала только одна причина подобных толчков.

Он подходил к берегу.

Гу Шиянь переглянулась с Нань Цзюньи.

— Раз до начала задания ещё два дня, значит, на борт поднялись новички.

Она быстро перевела взгляд к выходу.

— Как думаешь, сколько из них останется в живых?

— Максимум через десять минут, — ответил Нань Цзюньи, поднимаясь по лестнице мимо неё.
— Тогда и узнаешь.

Примечание автора:

P.S. Сцена, где Гу Шиянь открывает дверь и отодвигает стул для Нань Цзюньи, — это отсылка к популярному в интернете более десяти лет назад стереотипу о «джентльменском поведении». Его суть заключалась в том, что мужчина должен прежде всего заботиться о женщине:

открывать перед ней дверцу автомобиля, придерживать дверь в ресторане, отодвигать стул и тому подобное. Проще говоря, подобные поступки считались способом подчеркнуть мужское обаяние, воспитанность и заботливость.

Здесь же это всего лишь шутка Гу Шиянь, обращённая к Нань Цзюньи.

Кстати, фраза «Жестокость — в самой природе красавиц» — цитата из произведения «Огонь. Лирика Руми». Полностью она звучит так:

«Жестокость — в самой природе красавиц, их привычка и их религия».

<http://bllate.org/book/21675/2260058>